

Р. А. Оадеевъ

60 ЛѢТЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 47
Ф-15

Өадеевъ Ростиславъ Андреевичъ (1824–1883) — выдающійся русскій военный историкъ, публицистъ, генераль-майоръ. Дѣйствительный членъ Русскаго Географическаго Общества. Съ 1850 по 1859 годы — непосредственный участникъ войны на Кавказѣ.

«60 лѣтъ Кавказской войны» — одинъ изъ первыхъ и наиболѣе объективныхъ обзоровъ Кавказской войны. Въ книгѣ доходчиво разсматриваются причины войны и ея послѣдствія, а также цѣли воюющихъ сторонъ. Отдѣльная часть книги посвящена мюридизму — основной силѣ горцевъ, обострявшей отношенія съ Россіей.

Основой для подготовки текста послужило оригинальное изданіе военно-походной типографіи главнаго штаба Кавказской арміи, Тифлисъ, 1860 г.

Настоящій текстъ подвергся лишь незначительной корректу-рѣ, не связанной съ содержаніемъ произведенія.

Изданіе дополнено біографическими справками (с. 133 — с. 149).

Өадеевъ Р. А.

Ф-15 60 лѣтъ Кавказской войны: Изданіе въ авторской дореформенной орѳографіи. — Н. Новгородъ: Чѣрная Сотня, 2015. — 152 с.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 47

© С. В. Волковъ. Предисловіе, 2015

© К. И. Каминець. Біографическія справки, 2015

ISBN 978-5-00028-073-7

© Издательство «Чѣрная Сотня», 2015

Р. А. Өадеевъ

60 ЛѢТЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Съ приложеніемъ карты

Чѣрная Сотня
Нижній Новгородъ
2015

ПРЕДИСЛОВІЕ

Передъ вами фрагментъ книги Ростислава Ѡадеева «Шестъдесятъ лѣтъ кавказской войны». Въ него вошли предисловіе историка Сергѣя Волкова и 27 страницъ изъ первой и третьей части

Работа Ѡадеевъ является однимъ изъ первыхъ и наиболее объективныхъ обзоровъ Кавказской войны. Въ книгѣ доходчиво разсматриваются причины войны и еѣ послѣдствія, а также цѣли воюющихъ сторонъ. Отдѣльная часть книги посвящена мюридизму — основной силѣ горцевъ, обостряющей отношенія съ Россіей.

Въ полной версіи книги 150 страницъ, отдѣльно прилагается карта восточнаго Кавказа — для болѣе подробнаго изученія событій, описываемыхъ Ѡадеевымъ, а также біографическія справки (спеціально подготовленныя Кирилломъ Каминицемъ).

Приобрѣсти книгу можно на сайтѣ издательства:

www.chernaya100.com

Войнамъ Россіи на Кавказѣ ещё въ XIX в. были посвящёнъ цѣлый рядъ произведеній, въ томъ числѣ и многоготовныхъ историческихъ трудовъ (достаточно назвать извѣстныя произведенія Н. Ѡ. Дубровина, А. Л. Гизетти и В. А. Потто), тема эта нашла широкое отраженіе и въ исторіяхъ воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ этомъ регионѣ. Сравнительно небольшая по объѣму книга Р. А. Ѡадеева «Шестъдесятъ лѣтъ Кавказской войны» занимаетъ среди нихъ особое мѣсто. Она, во-первыхъ, написана очевидцемъ событій, человѣкомъ, съ юныхъ лѣтъ принимавшимъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и бывшимъ свидѣтелемъ рѣшающихъ успѣховъ русскихъ войскъ, завершившихся плѣненіемъ Шамиля и полнымъ покореніемъ Восточнаго Кавказа. Во-вторыхъ, принадлежитъ перу извѣстнаго въ своё время публициста, удѣлявшаго большое вниманіе геополитическому положенію Россіи и историческимъ задачамъ російской политики, и интересна именно въ этомъ отношеніи — политическими оцѣнками хода кавказскихъ войнъ и значенія Кавказа для Россіи.

Ростиславъ Андреевичъ Ѡадеевъ родился 28 марта 1824 въ Екатеринославѣ и былъ сыномъ тайнаго совѣтника Андрея Михайловича. Окончивъ частный пансіонъ въ Одессѣ, онъ въ 1839 г. поступилъ въ Артиллерійское училище (позже извѣстное какъ Михайловское артиллерійское училище), но ушѣлъ изъ него въ 1842 г. до окончанія курса и съ 1844 г. воевалъ на Кавказѣ, принявъ участіе въ одной изъ самыхъ напряжённыхъ кампаній — 1844–1846 гг. Въ составѣ кавказскихъ войскъ онъ участвовалъ и въ войнѣ 1853–1856 гг. противъ Турціи.

Произведённый въ полковники, онъ въ 1859 г. былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ на Кавказѣ князѣ А. И. Барятинскомъ и тогда же написалъ свою книгу, которая въ 1860 г. была издана военно-походной типографіей главнаго штаба Кавказской арміи. Р. А. Фадеевъ принялъ участіе и въ завершающей кампаніи Кавказской войны — покореніи Западнаго Кавказа въ 1860–1864 гг. — и былъ произведёнъ въ генераль-майоры.

Съ 1866 г. находясь въ отставкѣ, Фадеевъ активно занимается публицистикой; въ «Русскомъ вѣстникѣ», «Биржевыхъ вѣдомостяхъ» и «Русскомъ мірѣ» имъ были помѣщены многочисленныя статьи, посвящённыя русской арміи и восточному вопросу. Принимая близко къ сердцу судьбы славянскихъ народовъ, находившихся подъ властью Турціи, Р. А. Фадеевъ стремился и лично участвовать въ антитурецкой борьбѣ. Въ 1875–1876 гг. онъ былъ военнымъ инструкторомъ въ Египтѣ, помогая мѣстному правителю готовить армію на случай войны съ Турціей, а затѣмъ участвовалъ въ Сербско-Турецкой (1876 г.) и Русско-Турецкой 1877–1878 гг. войнахъ (въ 1877–1878 гг. былъ представителемъ Россіи въ Черногоріи). Въ послѣдніе годы жизни Фадеевъ состоялъ членомъ Артиллерійскаго комитета Главнаго артиллерійскаго управления и членомъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи. Скончался онъ 29 декабря 1883 г. въ Одессѣ.

Основное содержаніе книги Р. Фадеева занимаетъ описаніе военныхъ дѣйствій въ 1856–1859 гг. (предшествующему періоду посвящёнъ лишь небольшой очеркъ общаго характера). Начало Кавказской войны Р. Фадеевъ, какъ это было принято въ большинствѣ случаевъ въ русской исторіографіи, относитъ къ началу XIX в., связывая съ вхожденіемъ въ составъ Россіи Грузіи, въ результатъ чего кавказскія племена изъ «заграничныхъ» превратились во «внутреннія», которыя недопустимо было остав-

лять непокорёнными и враждебными. Хотя (если даже не считать дѣйствій русскихъ войскъ на Терекъ въ концѣ XVI в.) военныя дѣйствія на Кавказѣ шли уже въ теченіе всего XVIII столѣтія, начиная съ Персидскаго похода Петра Великаго.

Стратегическому значенію обладанія Кавказомъ и Закавказьемъ къ срединѣ XIX в. авторъ придаётъ исключительное значеніе именно потому, что въ это время съ ослабленіемъ Турціи и Ирана подконтрольныя имъ азиатскія территоріи неминуемо стали бы зоной вліянія враждебныхъ Россіи европейскихъ государствъ. Кавказъ видѣлся Р. А. Фадееву одновременно и мостомъ, переброшеннымъ изъ Россіи въ сердце Азіи (откуда «Россія сможетъ достать всюду, куда ей будетъ нужно»), и стѣной, ограждающей Среднюю Азію отъ враждебнаго вліянія, и передовымъ укрѣпленіемъ, защищающимъ Чёрное и Каспійское моря. Поэтому занятіе этого края онъ считалъ «первой государственной необходимостью». Соответственно, соперники Россіи придавали не меньшее значеніе изгнанію ея съ Кавказа и изъ Закавказья, что въ полной мѣрѣ нашло отраженіе въ англійской публицистикѣ времёнъ Крымской войны.

Описывая всю трудность удержанія этихъ территорій въ условіяхъ внѣшней войны, Р. А. Фадеевъ пишетъ, что участь русскаго владычества на Кавказѣ нѣсколько разъ за это время висѣла на волоскѣ и Россія смогла удержаться на Кавказѣ только потому, что Франція, располагавшая основной частью сухопутныхъ войскъ, не была особенно заинтересована въ Кавказѣ, а Англія не имѣла тогда для этого достаточныхъ силъ. Авторъ подчёркиваетъ, что значеніе обладанія Кавказомъ для Россіи было настолько велико, что для его удержанія приходилось жертвовать почти половиной силъ, которыми бы Имперія могла располагать для внѣшней войны съ европейскими противниками. При этомъ большая часть силъ

самого Кавказскаго корпуса (200 изъ 270 тыс. человекъ) была въ 1854–1856 гг. занята не въ дѣйствіяхъ противъ Турціи, а для контроля надъ границами ещё не полностью покорённой огромной и труднодоступной территоріи горскихъ племёнъ.

Въ книгѣ подчёркивается, что Россіи на Кавказѣ пришлось столкнуться съ гораздо болѣе серьёзнымъ противникомъ, чѣмъ другимъ европейскимъ странамъ въ ходѣ ихъ экспансіи въ Азіи и Африкѣ, поскольку кавказскіе горцы и по своимъ боевымъ качествамъ, и по степени фанатизма превосходили туземцевъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло англичанамъ и французамъ. Но и русскія войска, воспитанныя въ условіяхъ противостоянія съ такимъ противникомъ, отличались совершенно исключительной боеспособностью. Р. А. Өадеевъ, кстати, совершенно справедливо отмѣчаетъ, что исходъ боёвъ въ Крыму рѣшила именно отличная французская пѣхота, прошедшая школу алжирской войны. Несомнѣнно, что, будь брошены въ Крымъ вмѣсто практически не имѣвшихъ боевого опыта дивизій изъ Европейской Россіи части Кавказскаго корпуса, исходъ былъ бы совершенно инымъ, но Алжиръ былъ уже покорёнъ, а русскія кавказскія войска были прикованы къ Кавказу, гдѣ были незамѣнимы.

Большое мѣсто Р. А. Өадеевъ въ своей книгѣ удѣляетъ мюридизму и вообще религіозной сторонѣ противостоянія на Кавказѣ. Этому не только посвящена цѣликомъ вторая часть книги, но и въ дальнѣйшемъ неоднократно говорится о той роли, которую религіозный экстремизмъ сыгралъ въ сопротивленіи горцевъ русскому продвиженію на Кавказѣ. Въ этой связи онъ съ неодобреніемъ относится къ практикѣ русскихъ властей, ради удобства управленія разрушавшихъ самобытныя для каждаго горскаго общества формы управленія, замѣняя ихъ законодательствомъ, ориентированнымъ на шаріатъ; онъ считаетъ,

что именно такая практика впоследствии способствовала лёгкости распространенія мюридизма, который сплотилъ разрозненныя горскія общества въ единое политическое тѣло, охваченное фанатичной религіозной идеологіей и сплочённое безпрекословнымъ повиновеніемъ вождю. Авторъ обращаетъ вниманіе на то, что въ ходѣ распространенія мюридизма племенная верхушка и представители высшихъ сословій тѣхъ горскихъ обществъ, гдѣ они существовали, были вырѣзаны и оставшаяся масса оказалась въ полной власти религіознаго лидера. Страницы книги, касающіяся роли радикальнаго исламизма, представляются нынѣ, на фонѣ прогрессирующаго исламскаго политическаго экстремизма, весьма актуальными.

Книга «Шестьдесятъ лѣтъ Кавказской войны» вышла въ свѣтъ, когда Кавказская война ещё не была окончательно завершена, поэтому авторъ въ концѣ счёлъ нужнымъ обозначить дальнѣйшія задачи русской политики на Кавказѣ, указавъ, что, пока западная часть Кавказскихъ горъ остаётся непокорённой, «враги Россіи, кто бы они ни были, всё ещё имѣютъ союзника на Кавказѣ». Считая нужнымъ завершить завоеваніе Западнаго Кавказа незамедлительно и не жалѣя силъ, Р. А. Өадеевъ замѣчаетъ, что, если бы въ своё время при назначеніи Ермолова на Кавказъ ему были бы выдѣлены достаточныя силы, Имперія избѣжала бы тридцатилѣтней войны съ мюридизмомъ и сберегла бы сотни милліоновъ рублей и сотни тысячъ жизней. Предлагаемая авторомъ мѣры и были, какъ мы знаемъ, осуществлены, равно какъ и рядъ его предложеній относительно устройства края (въ частности, строительство закавказской желѣзной дороги).

Касаясь результатовъ покоренія Кавказа, Р. А. Өадеевъ особо отмѣчаетъ возможность использованія на русской службѣ составленныхъ изъ горцевъ воинскихъ частей: «Надобно только дать правильный исходъ ихъ воинственности, чтобы Кавказъ выбросилъ изъ своихъ

нѣдрѣ дружины, которымъ, можетъ быть, придѣтся удивить свѣтъ подѣ русскими знамѣнами». Въ туземныхъ формированіяхъ онѣ видѣлъ связующее звено между русской властью и горскимъ населеніемъ. Эти его предположенія также подтвердились. Ко времени изданія книги уже имѣлся Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ (съ 1851 г.), и во время Крымской войны въ составѣ русскихъ войскъ дѣйствовали нѣсколько туземныхъ полковъ и дружинъ. Во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 г. изъ горскихъ племѣнъ Кавказа было создано 6 конныхъ полковъ, 7 отдѣльныхъ конныхъ сотенъ, 3 конныхъ и 3 пѣшихъ дружины. Эта практика продолжалась и въ дальнѣйшемъ, вплоть до формирования въ годы Первой мировой войны знаменитой Кавказской Туземной конной дивизіи.

Заключительныя страницы книги Р. А. Өадеева пронизаны неподдѣльнымъ оптимизмомъ. Близящееся къ окончанію великое дѣло покоренія Кавказа открывало передѣ Россіей въ геополитическомъ планѣ, какъ казалось, самыя радужныя перспективы. Автору, человѣку весьма консервативныхъ убѣжденій, трудно было представить тогда, какъ обернутся событія спустя полвѣка. Тѣмъ не менѣе, изложеніе событій Кавказской войны глазами ихъ участника, равно какъ и взглядъ на россійскую политику того времени искренняго русскаго патріота, представляются весьма поучительными и могутъ быть интересны современному читателю.

С. В. Волковъ
*русскій историкъ,
докторъ историческихъ
наукъ, профессоръ*

I ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ

Въ прошломъ сентябрѣ Россія прочитала съ удивленіемъ, едва вѣря своимъ глазамъ, телеграфическія донесенія князя Барятинскаго ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, извѣщавшія, «что Восточный Кавказъ покорѣнъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги», что «Шамиль взятъ и отправленъ въ Петербургъ»; русское общество знало, хотя и смутно, что въ послѣднее время дѣла пошли на Кавказѣ хорошо, но далеко ещё не ждало такого быстрого конца.

Кавказская война продолжалась шестьдесятъ лѣтъ. Россія привыкла мало-помалу къ мысли, что такое положеніе дѣлъ естественно и должно длиться чуть ли не вѣчно, тѣмъ больше, что Кавказъ около полувѣка оставался въ совершенной тѣни и публика судила о нёмъ по нѣсколькимъ повѣстямъ да рассказамъ людей, пріѣзжавшихъ на Пятигорскія воды. Съ 1845 года стали печатать въ газетахъ извлеченія изъ реляцій, но они могли освѣтить дѣло только для человѣка, знакомаго съ Кавказомъ. При чрезвычайномъ разнообразіи этой обширной страны самый зрѣлый опытъ, пріобрѣтѣнный на одномъ изъ ея военныхъ театровъ, не даётъ ещё никакой возможности правильно судить о другомъ; издали всё сливалось въ одинъ неопредѣлённый образъ, самыя коренныя измѣненія въ положеніи вещей сглаживались, и мыслящій русскій человѣкъ, незнакомый лично съ Кавказомъ,

не могъ, разумѣется, связать разнорѣчащихъ событій и приходилъ поневолѣ, отыскивая рѣшенія этой задачи, къ самымъ невѣроятнымъ заключеніямъ. Наше общество въ массѣ не сознавало даже цѣли, для которой государство такъ настойчиво, съ такими пожертвованіями добивалось покоренія горъ. Страны, составляющія Кавказское намѣстничество, богатая природою, поставленная въ удивительномъ географическомъ положеніи для высокаго развитія въ будущемъ, всё-таки съ чисто экономической точки зрѣнія, независимо отъ другихъ соображеній, не могли вознаградить понесенныхъ для обладанія ими жертвъ. На Кавказѣ рѣшался вопросъ не экономическій, или если даже отчасти экономическій, то не заключенный въ предѣлахъ этой страны. Понятно, что для большинства общества этотъ вопросъ, не объяснимый прямой перспективой дѣла, оставался тѣмнымъ. Покореніе восточныхъ горъ обрадовало Россію въ ея патріотизмѣ, какъ побѣда надъ упорнымъ врагомъ, независимо отъ громаднаго значенія этого событія, гораздо яснѣе понимаемаго до сихъ поръ за границей, чѣмъ у насъ. Утвержденіе безспорнаго русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ заключаетъ въ себѣ столько послѣдствій, необходимыхъ или возможныхъ, прямыхъ и косвенныхъ, что покуда ещё невозможно объять ихъ разомъ; они будутъ выказываться одно за другимъ, такую длинную цѣпью, что развѣ слѣдующее поколѣніе будетъ знать весь объёмъ событій 1859 года.

Покуда ещё нельзя писать исторію русскаго владычества на Кавказѣ. Для исторіи такого долгаго и сложнаго періода нужна предварительная разработка матеріаловъ, завалившихъ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ многіе архивы; къ этому недавно только приступила особая коммиссія. Когда-нибудь Россія прочтётъ полную исторію Кавказской войны, составляющей одинъ изъ великихъ и занимательнѣйшихъ эпизодовъ нашей исторіи, не только

по важности вопросовъ, рѣшенныхъ русскимъ оружіемъ въ этомъ отдаленномъ углу Имперіи, но и по чрезвычайному напряженію человѣческаго духа, которымъ борьба ознаменовалась съ обѣихъ сторонъ; по неслыханному упорству, съ которымъ она продолжалась десятки лѣтъ, непрерывно видоизмѣняясь въ своёмъ характерѣ; по особой нравственной физіономіи, если можно сказать, запечатлѣвшей сотни тысячъ русскихъ, передвинутыхъ на Кавказъ. Приступать къ такому труду нельзя вполнину; но можно показать наглядно смыслъ событій Кавказской войны въ ихъ причинахъ, движеніи и результатѣ. Въ этомъ состоитъ цѣль предстоящей книги. Каждый русскій долженъ знать, хотя въ главныхъ чертахъ, что дѣлается на Кавказѣ, гдѣ бьются двѣсти тысячъ его соотечественниковъ.

Начало Кавказской войны совпадаетъ съ первымъ годомъ текущаго столѣтія, когда Россія приняла подъ свою власть Грузинское царство. Это событіе опредѣлило новыя отношенія государства къ полудикимъ племенамъ Кавказа; изъ заграничныхъ и чуждыхъ намъ они сдѣлались внутренними, и Россія необходимо должна была подчинить ихъ своей власти. Отсюда возникла многолѣтняя и кровавая борьба, до сихъ поръ ещё не совсѣмъ конченная. Кавказъ потребовалъ большихъ жертвъ; но чего бы онъ ни стоилъ, ни одинъ русскій не имѣетъ права на это жаловаться, потому что занятіе закавказскихъ областей не было ни случайнымъ, ни произвольнымъ событіемъ въ русской исторіи. Оно подготовлялось вѣками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собою. Ещё въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда русскій народъ уединенно вырасталъ на берегахъ Оки и Волхова, отдѣленный отъ Кавказа дикою пустыней, священныя обязанности и великія надежды приковывали къ этому краю вниманіе первыхъ Царей. Домашняя борьба съ мусульманствомъ, давившимъ

Россію со всѣхъ сторонъ, была рѣшена. Черезъ развалины татарскихъ царствъ, основанныхъ на русской почвѣ, Московскому государству открылся обширный горизонтъ къ югу и востоку; тамъ, вдали, виднѣлись свободныя моря, богатая торговля, единовѣрные народы — грузины и кавказскіе горцы, тогда ещё наполовину христіане, протягивавшіе руку Россіи. Съ одной стороны, Волга выводила русскихъ къ Каспійскому морю, окружённому богатыми народами, не имѣвшими ни одной лодки, — къ морю безъ хозяина; господство на этомъ морѣ необходимо вело со временемъ къ владычеству надъ раздробленными и безсильными владѣніями Прикаспійскаго Кавказа. Европейская торговля, отыскивая доступъ къ золотымъ странамъ Востока, силилась пробить себѣ путь черезъ Московское государство и сопредѣльныя съ нимъ пустыни и увлекала за собой русскихъ на дорогу, и безъ того указанную естественнымъ положеніемъ ихъ земли. Съ другой стороны, въ Россію долетали стоны православной Грузіи, стоптанной варварскими нашествіями, изнеможенной безконечною борьбою, бившейся въ это время уже не за право быть самостоятельнымъ народомъ, а только за право не отречься отъ Христа. Мусульманское изувѣрство, распалѣнное предъ этимъ новымъ ученіемъ шитства, было въ полномъ разгарѣ. Отчаявшись преодолѣть твёрдость христіанскаго племени, персіяне систематически вырѣзали населеніе цѣлыхъ областей. Начиная съ XVI вѣка почти каждое грузинское семейство могло молиться мученикамъ своей крови. Въ Москву одну за другою привозили грузинскія святыни, спасаемая отъ поруганія мусульманъ. И царь, и простолюдинъ съ одинаковою скорбію слушали рассказы о неистовствахъ, совершаемыхъ невѣрными надъ православнымъ населеніемъ Грузіи; самыя сердечныя чувства народа были задѣты и влекли русскихъ на путь, уже указанный и политикой, и торговлей. И дѣйствительно, съ XVI вѣка начались

попытки русскихъ Царей, съ одной стороны, поддержать изнемогавшую Грузію, съ другой — утвердить своё торговое и политическое господство въ прикаспійскихъ странахъ. Эти попытки продолжались, развиваясь всё въ большихъ размѣрахъ, до конца XVIII вѣка. Сначала онѣ представляли почти непреодолимые препятствія. Россія ещё не соприкасалась съ Кавказомъ; между ними лежала обширная пустыня, наполненная кочевыми хищниками и шайками бездомныхъ удальцовъ, почти непроходимая. Но тѣмъ временемъ русскій народъ вырасталъ, поселенія раздвигались, пустыня превращалась понемногу въ заселённую область. Въ началѣ XVIII вѣка всё пространство отъ Оки до устій Дона и отъ Казани до Астрахани было уже занято цѣпью сѣль и городовъ. И съ этого времени начинается цѣлый рядъ Кавказскихъ походовъ, совершённыхъ при Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ I, Аннѣ Иоанновнѣ, Екатеринѣ II и Павлѣ Петровичѣ; они становились всё чаще по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась къ Кавказу. Къ концу вѣка русское племя dorосло до европейскихъ рубежей своей земли — Чёрнаго моря и подножія Кавказа. Закавказскія владѣнія не были уже въ отношеніи къ Россіи въ такомъ географическомъ положеніи, въ какомъ теперь находится Хива; планы Петра Великаго могли быть приведены въ исполненіе безъ тѣхъ затрудненій, которыя имъ предстояли въ 1722 году. Въ это самое время новый погромъ и новыя неистовства со стороны мусульманъ постигли Грузію. Стоя на Терекѣ и на Кубани, Россія не могла ограничиться безплодными сожалѣніями, какъ въ XVI вѣкѣ, слушая рассказы о томъ, какъ на Курскомъ мостѣ въ Тифлисѣ персіяне заставляли православныхъ плевать въ чудотворный образъ Богородицы и свергали непокорныхъ (а непокорными были всѣ) съ моста въ Куру, скоро запружѣнную тѣлами; или какъ двѣ тысячи молельщиковъ Давидо-Гореджійской пустыни были по очереди подводимы подъ топоръ

во время совершения заутрени на Свѣтлое воскресенье. Независимо отъ самыхъ существенныхъ интересовъ, по которымъ обладаніе Кавказомъ составляло уже тогда для Имперіи дѣло первой важности, съ одной стороны религіознаго вопроса Россія не могла отказать православнои Грузіи въ защитѣ, не переставая быть Россіей. Манифестомъ 18 января 1801 года Павелъ Петровичъ принялъ Грузію въ число русскихъ областей по завѣщанію послѣдняго Грузинскаго Царя Георгія XIII.

Въ то время споръ за господство на Чёрномъ морѣ шёлъ у насъ только съ одною Турціею. Но Турція была уже объявлена несостоятельно политически; она уже находилась подъ опекою Европы, которая ревниво блюла ея цѣлость, потому что не могла принять равнаго участія въ дѣлежѣ. Несмотря на это искусственное равновѣсіе, опёртое на остріе иглы, между великими державами начиналась борьба за преобладающее вліяніе на Турцію и всё принадлежащее ей. Европа проникала въ отжившую массу Азіи съ двухъ сторонъ, съ запада и юга; для нѣкоторыхъ европейцевъ азіятскіе вопросы получили первостепенную, исключительную важность. Въ предѣлахъ Турціи, если не дѣйствительныхъ, то предполагаемыхъ дипломатически, заключались Чёрное море и Закавказье; это государство простирало свои притязанія до берега Каспійскаго моря и легко могло осуществить ихъ первымъ успѣхомъ, одержаннымъ надъ персіанами. Но неясно очерченная масса Турецкой имперіи начинала уже переходить изъ одного вліянія подъ другое. Было очевидно, что споръ за Чёрное море, за всѣ воды и земли, на которыя простирались притязанія Турціи, рано или поздно, при первомъ удобномъ политическомъ сочетаніи, станетъ споромъ европейскимъ и будетъ обращёнъ противъ насъ, потому что вопросы о западномъ вліяніи или господствѣ въ Азіи не терпятъ раздѣла; соперникъ тамъ смертеленъ для европейскаго могущества. Чѣмъ бы вліяніе

или господство ни простёрлось на эти страны (между которыми были земли безъ хозяина, какъ, на примѣръ, весь Кавказскій перешеекъ), оно стало бы во враждебныя отношенія къ намъ. Между тѣмъ владычество на Чёрномъ и Каспійскомъ моряхъ или, въ случаѣ крайности, хоть нейтралитетъ этихъ морей составляетъ жизненный вопросъ для всей южной половины Россіи, отъ Оки до Крыма, въ которой всё болѣе и болѣе сосредоточиваются главныя силы Имперіи, и личныя, и матеріальныя. Эта половина государства создана, можно сказать, Чёрнымъ моремъ. До завоеваній Екатерины она была въ такомъ же положеніи, какъ теперь Уральскій край и Южная Сибирь, поселеніями, вдвинутыми въ безвыходную степь; владѣніе берегомъ сдѣлало её самостоятельною и самою богатою частію Имперіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, съ устройствомъ Закавказской желѣзной дороги, которая необходимо привлечётъ къ себѣ обширную трапезундскую торговлю съ верхней Азіей, при быстромъ развитіи волжскаго и морскаго пароходства, при составившейся компаніи азіятской торговли, пустынное Каспійское море создастъ для Юго-Восточной Россіи то же положеніе, какое Чёрное море уже создало для Юго-Западной. Но охранять свои южные бассейны Россія можетъ только съ Кавказскаго перешейка; континентальному государству, какъ наше, нельзя поддержать своего значенія, ни заставить уважать свою волю тамъ, куда его пушки не могутъ дойти по твёрдой почвѣ. Если бъ горизонтъ Россіи замыкался къ югу снѣжными вершинами Кавказскаго хребта, весь западный материкъ Азіи находился бы совершенно внѣ нашего вліянія и при нынѣшнемъ безсиліи Турціи и Персіи не долго бы дожидался хозяина или хозяевъ. Южныя русскія области упирались бы не въ свободныя воды, но въ бассейны и земли, подчинённые враждебному вліянію. Если этого не случилось и не случится, то потому только, что русское войско, стоящее

на Кавказскомъ перешейкѣ, можетъ обхватить южные берега этихъ морей, протянувши руки въ обѣ стороны.

Враждебное вліяніе не остановилось бы на Кавказскомъ перешейкѣ. Рядъ водныхъ бассейновъ, вдвинутыхъ въ глубь азіятскаго материка, отъ Дарданелль до Аральскаго моря, съ его судоходнымъ притокомъ Амударьей, прорѣзывающимъ всю Среднюю Азію почти до индійской границы, — слишкомъ заманчивый путь для торговли, пробивающейся теперь чрезъ бездорожные хребты и высокія плоскости Арменіи и Азербейджана*. Европейская торговля съ Азіей шла этимъ путёмъ тысячи лѣтъ, была прервана турками, когда они, взявши Константинополь, заперли Чёрное море, и возобновилась бы въ началѣ этого вѣка, если бѣ Кавказскій перешеекъ оставался безъ владыки. Но кто не знаетъ, что такое европейская торговля въ Азіи? Соприкосновеніе двухъ породъ столь неравныхъ силъ начинается тамъ ситцами, а кончается созданиёмъ подвластной имперіи во 150 милліоновъ жителей. Если бѣ торговля нѣкоторыхъ европейцевъ установилась по направленію внутреннихъ азіятскихъ бассейновъ сама собою, до или помимо нашего господства за Кавказомъ, путь ея былъ бы предѣломъ нашихъ отношеній къ Азіи. Всё лежащее за чертой, протянутой отъ устья Кубани къ сѣверному берегу Аральскаго моря и дальше, было бы слито въ одну враждебную намъ группу, и мы выиграли бы только то, что вся южная граница Имперіи на нѣсколько тысячъ вёрстъ, отъ Крыма до Китая, сдѣлалась бы границей въ полномъ смыслѣ слова, потребовала бы крѣпостей и арміи для своего охраненія; чистая выгода въ смыслѣ «мирнаго развитія внутреннихъ силъ государства». Для обороны Кавказской линіи пришлось бы, вѣроятно, употребить тѣ же войска, какія занимаютъ её теперь, но уже безъ всякой надежды на окончаніе этого положенія. Европейская торговля

* Азербейджана. — *Прим. ред.*

съ Персіей и внутренней Азіей, проходящая чрезъ Кавказскій перешеекъ, подчинённый русскому господству, обѣщаетъ государству положительныя выгоды; та же самая торговля, прошедшая чрезъ Кавказъ, независимый отъ насъ, создала бы для Россіи нескончаемый рядъ утратъ и опасностей. Кавказская армія держитъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ Востока; это до того извѣстно нашимъ недоброжелателямъ, что во время истекшей войны нельзя было открыть англійской брошюры, чтобы не найти въ ней толковъ о средствѣ очистить Закавказье отъ русскихъ. Но если отношенія къ Востоку составляютъ вопросъ первой важности для другихъ, то для Россіи они осуществляютъ историческую необходимость, уклониться отъ которой не въ ея власти.

Россія на пространствѣ десяти тысячъ вёрстъ не соприкасается, но смѣшивается съ мусульманской и языческой Азіей. Предѣлы ея выдвигаются вперёдъ не вслѣдствіе однихъ политическихъ расчётовъ, но по требованію домашняго управленія и внутренняго хозяйства, какъ обработанныя поля владѣльца, поселившагося въ новой, никому не принадлежащей землѣ. За русскимъ рубежомъ и до самаго края земли всё въ Азіи тлѣетъ и разрушается. Азіятскія общества держались вѣка, какъ трупъ, до котораго не касается воздухъ въ могилѣ, держались отсутствіемъ посторонней стихіи; какъ только живыя силы Европы дохнули на нихъ, они стали рассыпаться. Нынѣшніе народы западной половины Азіи давно уже перестали быть общественными организмами; они сдѣлались численнымъ собраніемъ мусульманъ, случайно, безъ малѣйшаго сочувствія соединённыхъ подъ тою или другою мѣстною властію. Исламизмъ проникъ во всѣ ихъ общественныя поры и совершенно вытѣснилъ народность, какъ известковый растворъ вытѣсняетъ малопомалу всё вещество древней раковины, облекаясь въ ея форму; онъ овладѣлъ всѣмъ челоукомъ и окамениль

его въ однажды данной формѣ, не оставляя никакого мѣста ни общественному, ни личному развитію, не истекающему изъ Корана. Гражданское устройство мусульманскихъ народовъ, ихъ судъ, финансы, личныя и семейныя отношенія установлены по шаріату, неизмѣнному до конца міра, какъ непреложное откровеніе. Личность человѣка усыплена въ мусульманствѣ ещё болѣе, чѣмъ общество. Въ этомъ отношеніи исламизмъ вполнѣ можетъ назваться разсудочной религіей; онъ объясняетъ міръ и ставитъ человѣку цѣль разсудительно, естественно, довольно близко ко всемірному преданію, понятно для всякаго ума и потому совершенно удовлетворительно; но въ то же время безъ малѣйшаго нравственнаго идеала, который могъ бы освятить душу. Исламизмъ берётъ человѣческую природу, какъ она есть, со всѣмъ ея свѣтомъ и со всею ея грязью, благословляетъ въ ней всё одинаково, даётъ законный исходъ хорошему и дурному, общая продолженіе такого состоянія въ самой вѣчности. Обязанности, налагаемыя этой религіей, состоятъ въ лёгкой обрядности и ненависти къ невѣрнымъ. Мусульманинъ выносить изъ своей вѣры достаточное удовлетвореніе умственное и невозмутимое довольство самимъ собою. Это настроеніе необходимо разрѣшается на практикѣ крайнею апатіею. Къ чему можетъ стремиться человѣкъ, когда онъ есть уже всё, чѣмъ долженъ быть, человѣкъ, котораго не гложетъ сомнѣніе, но не манитъ также никакой идеаль? Мусульманство прокатилось по землѣ огненнымъ потокомъ и теперь ещё производитъ страшные пожары въ мѣстахъ, куда оно проникаетъ вновь, чему примѣромъ служить Кавказъ. Могущество перваго взрыва мусульманства происходитъ именно отъ освященія дурныхъ сторонъ человѣческой природы — разнузданности страстей, звѣрства, фанатизма. Въ сущности, исламизмъ есть религія страсти, ученіе въ полномъ смыслѣ поджигательное; онъ воспламеняетъ

людей, удваиваетъ ихъ силы, дѣлаетъ ихъ способными къ великимъ вещамъ настолько, насколько въ человѣкѣ или цѣломъ народѣ достаётъ горючаго матеріала. Когда нравственный пожаръ кончится, отъ мусульманства остаётся только пепель, одна бесплодная обрядность, общественный и умственный застой, апатія пьяницы съ похмелья. Въ три вѣка исламизмъ исчерпалъ до дна своё неглубокое содержаніе, и съ тѣхъ поръ застылъ, какъ трупъ. Кто видѣлъ и знаетъ, до какой степени нынѣшнимъ азіятамъ чужды понятія объ отечествѣ, о всякомъ общественномъ интересѣ, о первыхъ обязанностяхъ гражданина; до какой степени они равнодушны къ тому, что люди называютъ своей землёй, лишь бы не было возмущено ихъ личное спокойствіе; въ какой мѣрѣ они презираютъ свои правительства, не помышляя даже объ ихъ улучшеніи; какъ мало трогаютъ ихъ отечественныя событія, — тотъ не можетъ ни на минуту сомнѣваться, что послѣдній часъ пробилъ для этихъ человѣческихъ скопищъ, лишённыхъ всякой внутренней связи. Усилія нѣкоторыхъ мусульманскихъ правительствъ преобразовать государство на европейскій ладъ разрушили послѣднее основаніе этихъ дряхлыхъ народовъ — вѣру. Общественный законъ всѣхъ мусульманъ — шаріатъ — есть откровеніе; уничтожить или измѣнить его — значитъ отвергнуть слово Божіе. Реформы въ Азіи, съ одной стороны, оттолкнули отъ власти массы, привели ихъ въ броженіе, создали мусульманское франмасонство, весьма похожее на мюридизмъ въ его началѣ, обвинившее тайными ложами болѣшую часть мусульманскаго міра; съ другой — создали официальный классъ образованныхъ мусульманъ, которые вѣрятъ въ однѣ только деньги, кто бы ихъ ни давалъ. Что будетъ съ Азіей, разгадать этого ещё нельзя; но въ такомъ видѣ, какъ теперь, она не можетъ существовать. Или въ ней совершится внутренній переворотъ, чего не видать и признака, или она сдѣлается добычей. Во всякомъ случаѣ,

Россия не может допустить, чтобы без ее участия устроилась судьба цѣлой части свѣта, съ которой она слита почти безраздѣльно, съ которой она живѣтъ, можно сказать, подъ одной кровлей. Рѣшеніе спора христіанства съ исламомъ, покинутое Европою съ XIV вѣка, съ того же времени какъ бы свыше предоставлено одной Россіи и сдѣлалось, сознательно или безсознательно, ее народнымъ дѣломъ. Всѣ ее сочувствія и всѣ интересы, даже независимо отъ ее воли, изъ вѣка въ вѣкъ периодически ставятъ её лицомъ къ лицу противъ всевозможныхъ видоизмѣненій этого вопроса.

Но дѣйствительная связь Россіи съ Азіей, узелъ ихъ — на Кавказѣ. На всѣмъ остальномъ пространствѣ между осѣдлой Азіей и русской границей, отъ Амура до Каспійскаго моря, тянется пустыня, которая къ концу вѣка будетъ уже, можетъ быть, нѣсколько населена и станетъ удобопроходимой; но до тѣхъ поръ многое можетъ случиться. Черезъ Кавказскій перешеекъ и его домашній бассейнъ — Каспійское море — Россия соприкасается и непосредственно со всей массой мусульманской Азіи. Съ Кавказскаго перешейка Россия можетъ достать всюду, куда ей будетъ нужно; и здѣсь же именно полувѣковая борьба съ мусульманскимъ фанатизмомъ создала единственную армію, которая можетъ выносить безъ разстройства безконечныя лишенія азіятскихъ походовъ.

Для Россіи Кавказскій перешеекъ — вмѣстѣ и мостъ, переброшенный съ русскаго берега въ сердце азіятскаго материка, и стѣна, которою заставлена Средняя Азія отъ враждебнаго вліянія, и передовое укрѣпленіе, защищающее оба моря: Чѣрное и Каспійское. Занятіе этого края было первою государственною необходимостію. Но покуда Русское племя доросло до подошвы Кавказа, всё измѣнилось въ горахъ. Выбитый изъ Европейской Россіи, исламомъ работаль неутомимо три вѣка, чтобы укрѣпить за собою естественную ограду Азіи и мусуль-

манскаго міра — Кавказскій хребетъ, и достигъ цѣли. Вмѣсто прежнихъ христіанскихъ племёнъ мы встрѣтили въ горахъ самое неистовое воплощеніе мусульманскаго фанатизма. — Шестьдесятъ лѣтъ продолжался штурмъ этой гигантской крѣпости; вся энергія стариннаго мусульманства, давно покинувшая разслабленный азіятскій міръ, сосредоточилась на его предѣлѣ, въ Кавказскихъ горахъ. Борьба была неистовая, пожертвованія страшныя. Россия не отставала и преодолѣла, зная, что великимъ народамъ на пути къ назначенной имъ цѣли полагаются и препятствія въ мѣру ихъ силы.

Ш ПОКОРЕНИЕ КАВКАЗА

Съ окончаніемъ заграничной войны ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ избралъ главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генераль-адъютанта князя А. И. Барятинскаго, приготовленнаго къ этому званію долгой и дѣятельной службой на Кавказѣ. Въ распоряженіи новаго главнокомандующаго были оставлены, сверхъ силъ Кавказскаго корпуса, черезъ нѣкоторое время переименованнаго въ армію, 13-я и 18-я пѣхотныя дивизіи; кромѣ того, были сформированы ещё три новые драгунскіе полка. Съ 1856 года правительство постоянно поддерживало на Кавказѣ силы и матеріальныя средства, достаточныя для самаго настойчиваго веденія войны.

Кавказское войско и кавказское населеніе приняли назначеніе князя Барятинскаго съ единодушною радостію. Кто былъ тогда на Кавказѣ, не забудетъ, какой видъ праздника принимала вся страна, по мѣрѣ того какъ распространялось это извѣстіе. Общее чувство весьма понятно въ этомъ случаѣ; назначеніе князя Барятинскаго было назначеніемъ естественнымъ, котораго весь Кавказъ желалъ и ожидалъ. Особенность этой страны, столь отличной отъ другихъ частей Имперіи такъ же, какъ исключительный характеръ войскъ, занимающихъ её и воспитанныхъ въ ней, давно уже выразились рѣзкими и самостоятельными чертами, которыя надобно вполне понимать для того, чтобы разумно начальствовать на Кавказѣ. Одному Богу извѣстны всѣ послѣдствія, происшедшія

отъ внесенія идей à priori въ управленіе Кавказомъ и веденіе Кавказской войны со стороны людей, которымъ надобно было учиться, прежде чѣмъ брать на себя отвѣтственность распоряженій. Независимо отъ личности князя Барятинскаго, давно уже высоко цѣнимой, Кавказъ вѣрилъ ему, какъ своему человѣку, который зналъ и людей, и вещи и могъ прямо взяться за дѣло. Назначеніе его главнокомандующимъ произвело глубокое впечатлѣніе въ войскахъ, въ народѣ, въ непокорныхъ горахъ. Газета «Кавказъ» наполнилась радостными отзывами со всѣхъ концовъ страны. Ей писали, между прочимъ: «Двѣсти тысячъ кавказскихъ солдатъ считаютъ назначеніе князя Барятинскаго наградою за свою службу. Зброшенные въ край, совершенно непохожій на остальную Россію, поставленные въ исключительныхъ обстоятельствахъ, они поневолѣ должны были выдѣлать себѣ своеобразную личность; и, конечно, никто объ этомъ не пожалѣетъ, когда въ этой личности есть такія черты, напримѣръ, что кавказскій солдатъ на царской службѣ не считаетъ смерть или побѣду послѣднею степенью энергіи воина; что онъ поклянѣтся своему полководцу побѣдить и исполнить клятву хоть бы противъ непріятели, вчетверо сильнѣйшаго, потому что онъ не считаетъ никого сильнѣе себя, пока оружіе у него въ рукахъ. Но чѣмъ развитѣе и чѣмъ своеобразнѣе личность кавказскаго воина, тѣмъ важнѣе для него быть подъ рукою начальника, который его понимаетъ. Вотъ отчего, когда разнеслась вѣсть о назначеніи князя Барятинскаго командующимъ нашимъ корпусомъ, на всѣхъ концахъ Кавказа старые служивые говорили молодымъ товарищамъ: смотрите, за Богомъ молитва, за Царёмъ служба никогда не пропадаютъ». Въ то же время, въ первый разъ отъ начала горской войны, имамъ мюридизма, встревоженный общимъ народнымъ опасеніемъ, разослалъ по племенамъ объявленіе, что русскіе собираются въ два года покорить всѣ горы и что теперь на-

стала пора, когда каждый истинный мусульманинъ долженъ положить жизнь за вѣру. Совсѣмъ не такъ думали горцы при назначеніи прежнихъ главнокомандующихъ, или, лучше сказать, они вовсе объ этомъ не думали, мало заботясь посреди своихъ твердынь, кто начальствуетъ русскими. Но жизнь нерѣдко подтверждаетъ тотъ опытъ, что великимъ событіямъ дѣйствительно какъ будто предшествуетъ тѣнь ихъ, которую массы, всегда одарѣнныя дивнымъ инстинктомъ, уже ощущаютъ, между тѣмъ какъ самые передовые люди ещё ничего не видятъ. Такъ было при назначеніи князя Барятинскаго главнокомандующимъ. До тѣхъ поръ мысль о покореніи горъ мелькала только какъ возможность, въ неопредѣленно далѣкомъ будущемъ. Когда новый главнокомандующій принялъ начальство, войска пошли въ походъ съ мыслию, что они дѣлаютъ теперь не одну изъ безчисленныхъ экспедицій, но начинаютъ завоеваніе горъ; между тѣмъ какъ тревожное ожиданіе рѣшительныхъ событій разлилось въ непокорномъ населеніи. Я не знаю, почему такое общее настроеніе овладѣло краемъ; военная слава князя Барятинскаго тогда не была ещё довольно утверждена, чтобы внушить подобную увѣренность, но это было такъ.

Одновременно съ своимъ назначеніемъ князь Барятинскій исходатайствовалъ новое раздѣленіе военныхъ командованій на Кавказѣ. До тѣхъ поръ они существовали въ томъ же видѣ, какъ были установлены до мюридизма, отвѣчая потребностямъ совсѣмъ другой эпохи, когда цѣлью военныхъ дѣйствій было только охраненіе нашихъ предѣловъ или наказаніе хищныхъ обществъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою. Съ тѣхъ поръ племена Восточнаго Кавказа слились въ одно политическое тѣло, и непріятель, окруженный сѣтью мелкихъ командованій, сталъ сильнѣе cadaго изъ противопоставленныхъ ему военныхъ начальниковъ, такъ что дѣло вышло совсѣмъ наоборотъ: единство со стороны непріятеля и раздро-

бленіе съ нашей. Приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, надобно было на каждомъ самостоятельномъ военномъ театрѣ вручить власть самостоятельному начальнику. Въ августѣ 1856 года, по естественному дѣленію Кавказа, учреждены пять командующихъ войсками, облечѣнныхъ правами корпусныхъ командировъ. Противъ адыговъ Западнаго Кавказа два: съ сѣверной стороны горъ — командующій войсками Праваго крыла, съ южной — Кутаисскій генераль-губернаторъ. Противъ мюридовъ восточной группы три: одинъ на сѣверномъ склонѣ — командующій войсками Лѣваго крыла, которому подчинены Чечня (бывшій лѣвый флангъ), Владикавказскій округъ и Кабарда (бывшій центръ); другой въ Дагестанѣ, и ему ввѣренъ весь Прикаспійскій край; третій — на Лезгинской линіи, съ южной стороны горъ, обращенной къ Грузіи. — Дѣленіе это было произвольное. Каждый изъ означенныхъ большихъ отдѣловъ очерченъ самою природою, имѣя свои рѣзко отличныя климатическія и мѣстныя условія, особое основаніе — военное и продовольственное, и передъ собою — другого непріятеля и отдѣльный военный театръ, который мѣстнымъ войскамъ нужно было разработать прежде, чѣмъ приступить къ совокупнымъ дѣйствіямъ.

Главнокомандующій не могъ самъ вести операций, пока онѣ носили мѣстный характеръ; исполненіе своего плана онъ долженъ былъ предоставить помощникамъ, отъ таланта и энергіи которыхъ зависѣла половина успѣха. Выборъ корпусныхъ командировъ для Кавказской войны былъ ещё затруднительнѣе, чѣмъ для европейской, потому что дѣйствія ихъ независимѣе; личность людей была въ этомъ случаѣ дѣломъ особой важности. Первымъ помощникомъ главнокомандующаго сталъ, разумѣется, начальникъ главнаго штаба арміи. Князь Барятинскій пригласилъ на это мѣсто генерала Милютина*, который,

* Біографическая справка — стр. 139.

не занимая ещё до того времени высоких должностей, приобрёл уже общую известность как отличный офицер, как писатель и как творец военной статистики, возведённой им в первый раз в науку. Кроме чрезвычайно трудной должности начальника главного штаба такой разнородной армии, как Кавказская, на генерала Милютина было возложено ещё приведение в систему нового военного управления Кавказом, которого только главные черты были обозначены учреждением командующих войсками. В военно-административном отношении можно было перечислить почти все годы русского владычества на Кавказе по разным существовавшим в то время учреждениям, выражавшим каждый характер и потребности различной эпохи; между тем на Кавказе, где ведётся война местная, даже боевые действия относятся к общей администрации, как приложение к теории. Генерал Милютин развил по идеям главнокомандующего новую систему военного управления с такою полнотою и стройностью, которая надолго останутся памятником нынешнему Кавказскому начальству. Неоконченная во всех частях ещё и донинче по чрезвычайной обширности труда, новая административная система обняла уже главные предметы, положила основание разумному управлению горцами и, распределяя учреждения по действительным потребностям края, стала заменять живой организацией прежнее единство бюрократизма или произвола, распространённого на разнообразнейшую в мире страну. Основанием и образцом для новой системы послужило управление чеченским народом, устроенное князем Бярятинским в бытность его начальником левого фланга и в это время уже оправданное долготным опытом. Совершение этого истинно государственного труда, в котором генерал Милютин был единственным помощником главнокомандующего, не могли замедлить ни походы, ни дру-

гия его бесчисленные занятия. Труды и действия генерала Милютина доставили ему редкое нравственное положение: всеобщее уважение армии и края, без малейшего оттенка мненья.

По плану главнокомандующего, самые обширные и трудные военные действия предстояли командующему войсками Лёваго крыла. На эту должность, вместе с новым разделением Кавказа, был назначен генерал (ныне генерал-адъютант и граф) Евдокимов*. Лёсистая Чечня была классической страной неудач, чтобы не сказать поражений, которые мы испытывали от горцев; но покорение должно было начаться отсюда; нашим войскам предстояло проникнуть в глубь этой земли в то время, когда юридиксизм стоял ещё во всей своей силе. При таком условии план главнокомандующего мог состояться только при совершенно безукоризненном исполнении. Здешняя местность была вездешностью Ичикеринской и Даргинской экспедиций; один неловкий шаг привёл бы к тем же результатам, а значительная неудача с нашей стороны, только одна, снова отодвинула бы покорение гор на неопредёлённое время. Граф Евдокимов исполнил планы главнокомандующего с редким совершенством. Можно сказать положительно, что он ни разу в продолжение трёхлетней войны не допустил горцев дать нам дело там, где они хотели или где это могло быть для них выгодным. Совершая предприятия, по-видимому самые рискованные, граф Евдокимов всегда успевал решить дело манёврами, спокойно кончал предположенные работы и заставлял горские скопища разойтись без боя, что больше всего роняло дух в неприятель. Его система действий, в которой не штык, а топорь был главным орудием завоевания, по необходимости обременяла войска чрезвычайными трудами и причиняла им

* Биографическая справка — стр. 141.

такую же убыль отъ болѣзней, какъ прежде отъ огня; но нравственное послѣдствіе для войны той или другой потери совсѣмъ не одинаково. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ, а Кавказъ теперь покорѣнъ.

Въ Прикаспійскомъ краѣ былъ оставленъ прежній командующій войсками, генераль-адъютантъ князь Орбеліанъ*, опытный генераль, пользовавшійся довѣріемъ и любовью войскъ. Черезъ годъ князь Орбеліанъ получилъ другое назначеніе и сдалъ свою должность генераль-адъютанту барону Врангелю**, которому досталось окончить дѣло графа Евдокимова и въ послѣднемъ походѣ, подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго, нанести смертельные удары мюридизму. Командующимъ войсками на Лезгинской линіи былъ назначенъ отважный баронъ Вревскій***, сложившій голову въ этой войнѣ, и по смерти его молодой, но уже опытный генераль князь Меликов****. Я ограничиваю этотъ обзоръ предметомъ сочиненія, Восточнымъ Кавказомъ. Выборъ и распредѣленіе главныхъ начальниковъ, совершенно приноровленное къ характеру предстоявшихъ имъ дѣйствій, обезпечивали точное исполненіе военного плана главнокомандующаго.

Главные усилія были направлены противъ восточныхъ горъ по причинамъ, уже изложеннымъ выше. Эта часть Кавказа отрѣзывала нашъ тылъ, постоянно угрожая сообщеніямъ и въ то же время служила мюридизму крѣпостію, откуда онъ держалъ въ постоянномъ волненіи покорное мусульманское населеніе. Восточныя горы составляли главную опасность и главную препону для русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ. Князь Барятинскій оставилъ на Западномъ Кавказѣ ограни-

* Биографическая справка — стр. 143.

** Биографическая справка — стр. 145.

*** Биографическая справка — стр. 147.

**** Биографическая справка — стр. 149.

ченныя силы, достаточныя для того, чтобъ постепенно разработывать доступъ къ горамъ и исполнить всѣ пріготовительныя работы къ сроку, когда кончится война на Восточномъ. Затѣмъ всѣ наличныя силы были двинуты противъ послѣдняго.

Планъ покоренія Восточнаго Кавказа, задуманный княземъ Барятинскимъ ещё задолго до назначенія главнокомандующимъ, былъ исполненъ въ три года, слово въ слово и черта въ черту, какъ, можетъ быть, ещё никогда не исполнялся военный планъ, что совершенно извѣстно людямъ, читавшимъ письма или даже донесенія князя, писанныя за годъ и болѣе до событій; со временемъ эта вѣрность соображеній будетъ доказана исторіей. Планъ этотъ въ главныхъ чертахъ, но въ огромныхъ размѣрахъ былъ похожъ на правильную осаду крѣпости, соединяя всѣ предшествовашія системы въ должной постепенности. Главныя средства обороны горцевъ находились не въ срединѣ ихъ земли, но по ея окружности. Пограничная черта была какъ брустверь, къ которому мы подходили открытые, между тѣмъ какъ непріятель сидѣлъ уже за сильными мѣстными преградами; на пограничной чертѣ были расположены крѣпости мюридовъ; на ней жило населеніе, воспитанное ежечасною войною, состоявшее поголовно изъ закалённыхъ воиновъ, обращенныхъ полувѣковою борьбою въ нашихъ личныхъ враговъ. Большею части этихъ препятствій не существовало въ глубинѣ горъ. Ставъ разъ въ самыхъ горахъ, мѣстныя преграды уравнивались для врага и для насъ; заранѣе устроенныхъ средствъ обороны тамъ не существовало; населеніе, удаленное отъ насъ и никогда не тревожимое, было гораздо менѣе воинственно, гораздо менѣе пропитано ненавистью къ намъ и болѣе дорожило своимъ благосостояніемъ, чѣмъ полукочевые абреки пограничныхъ обществъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобы проложить себѣ обезпеченный путь въ средину горъ. Первымъ

условіемъ для успѣха такого предпріятія былъ вѣрный выборъ пути наступленія. Затѣмъ оставалось дѣйствовать, какъ при осадѣ: прочно занять подступы къ горамъ, подвигаться впередъ методически, сбивая съ обѣихъ сторонъ мѣшающія намъ преграды, твѣрдо стать въ самыхъ горахъ, на избранныхъ пунктахъ и тогда перейти къ быстрому наступленію всею массою войскъ, разрывая непріятельскую страну изъ средины и заставляя пограничную линію пасть безъ сопротивленія. Очевидно, что по самой сущности этой программы завоеваніе должно было пройти чрезъ три періода: періодъ приуготовительный для занятія должныхъ подступовъ, періодъ методической войны въ горахъ и, наконецъ, періодъ рѣшительнаго наступленія.

Сравненіе съ осадю крѣпости выражаетъ только общую идею плана. Исходъ зависѣлъ отъ вѣрнаго выбора предметныхъ пунктовъ и операціонныхъ линій, рѣшающихъ скоро и полно успѣхъ предпріятія. До тѣхъ поръ опредѣленіе непосредственной цѣли дѣйствій составляло камень преткновенія въ Кавказской войнѣ. Постоянно оказывалось, что занятіе пунктовъ, считаемыхъ рѣшительными, не доставляло никакой пользы, и мы сами бросали ихъ. Въ такой загроможденной мѣстности, какъ кавказская, этотъ выборъ чрезвычайно труденъ; но въ нёмъ и выказалось умѣнье полководца.

Съ тѣхъ поръ какъ мюридизмъ соединилъ всѣ восточныя племена въ одинъ народъ, горскія общества стали частями организма, одинаково чувствовавшимъ удары, съ какой бы стороны они ни наносились; племенная самобытность уже наполовину растаяла въ политическомъ единствѣ. Подчинѣнные общей власти, передвигаемые толпами изъ одной части края въ другую для защиты своихъ предѣловъ, вынужденные мѣняться произведеніями исключительно между собою, потому что подгорный край былъ запертъ для нихъ, горцы отчасти стали уже гражданами одного государства. При такомъ состояніи

общественнаго быта покореніе значительныхъ племёнъ съ одной какой-либо стороны должно было отозваться во всѣхъ горахъ, поколебать мужество и увѣренность всего населенія. Завоеваніе Дагестана рѣшало нравственно участь Чечни, и обратно. Стало быть, выборъ пути для наступленія зависѣлъ главнѣйше отъ относительной лёгкости, съ какою можно было совершить вторую часть операціи — методическую войну въ горахъ.

Съ южной стороны непокорное населеніе было ограждено снѣжнымъ хребтомъ, чрезъ который перевалы протаиваютъ только на три лѣтніе мѣсяца. Въ остальное время года переходъ чрезъ этотъ хребетъ невозможенъ для массы войскъ. При наступленіи съ южной стороны надобно было оставлять войска безъ сообщенія по 9-ти мѣсяцевъ въ году посреди сплошной массы враждебнаго населенія. На Лезгинской линіи были возможны только быстрыя вторженія лѣтомъ. Экспедиціями этого рода, какъ давно уже было доказано, нельзя покорить горцевъ; но войска всего надёжнѣе прикрывали подгорный край, наступая на непріятели; въ то же время они постепенно обезсиливали его ко времени рѣшительныхъ ударовъ. Для дѣйствительнаго наступленія оставался только выборъ между Дагестаномъ и Чечнёю.

Десятилѣтнія экспедиціи на предѣлахъ непокорнаго Дагестана, съ Ахульго до Чоха, доказали тщетность подобныхъ попытокъ. Каждая деревня въ этой странѣ была Сарагосою. Мы брали укрѣплённый ауль цѣною нѣсколькихъ тысячъ жертвъ, для того чтобъ открыть за нимъ цѣлыйрядъ такихъ же ауловъ, требующихъ такихъ же жертвъ. Дагестанъ былъ гнѣздомъ мюридизма. Духовная власть рабски подчинила себѣ дагестанское населеніе, овладѣла и мыслию, и волею людей и царствовала надъ ними безпрекословно. Невозможно было надѣяться поколебать въ этой странѣ политическое могущество мюридизма, пока онъ стоялъ ещё во всей цѣлости, рас-

полагая всѣми средствами горь. Но ещё меньше можно было надѣяться разбить открытою силою широкой поясъ крѣпостей и укрѣплѣнныхъ ауловъ, ограждавшихъ Дагестанъ съ нашей стороны, покуда жители ихъ готовы были защищаться съ рѣшительностію. Потери были бы такъ громадны въ подобномъ предпріятіи и успѣхъ такъ сомнителенъ, что нельзя было и предлагать его.

Чеченцы, безспорно, храбрѣйшій народъ въ восточныхъ горахъ. Походы въ ихъ землю всегда стоили намъ кровавыхъ жертвъ. Но это племя никогда не проникалось мюридизмомъ вполнѣ. Изъ всѣхъ восточныхъ горцевъ чеченцы больше всѣхъ сохраняли личную и общественную самостоятельность и заставили Шамиля, властвовавшего въ Дагестанѣ деспотически, сдѣлать имъ тысячу уступокъ въ образѣ правленія, въ народныхъ повинностяхъ, въ обрядовой строгости вѣры. Газавать (война противъ невѣрныхъ) былъ для нихъ только предлогомъ отстаивать свою племенную независимость и производить набѣги. Многія тысячи чеченцевъ изъ отложившихся въ 1840 году съ тѣхъ поръ снова переселились къ намъ и пользовались подъ образцовымъ управленіемъ, для нихъ созданнымъ, благосостояніемъ, соблазнявшимъ ихъ одноплеменниковъ. Шамиль никогда не довѣрялъ чеченцамъ и не считалъ ихъ прочно укрѣплѣнными за собою. Распаденіе горскаго союза, основаннаго мюридизмомъ, всего скорѣе могло начаться съ Чечни. Въ военномъ отношеніи наступленіе въ этой странѣ было также удобнѣе. Въ Дагестанѣ мы встрѣчали сопротивленіе въ опредѣленныхъ пунктахъ, которыхъ нельзя было миновать, между тѣмъ какъ овладѣніе ими всегда стоило большихъ жертвъ. Въ Чечнѣ, и плоской и нагорной, почти нѣтъ мѣстъ, гдѣ непріятель могъ бы удержаться противъ нашего натиска; тамъ всегда происходило одно застрѣльщицье дѣло на движеніи, если только наши цѣпи были довольно сильны, чтобы удержать натискъ непріятели. Расчистивъ мѣстность въ

извѣстныхъ направленіяхъ, по Чечнѣ можно было ходить безъ выстрѣла; а съ достаточными силами, при методическомъ образѣ дѣйствій, гораздо легче рубить просѣку въ лѣсу, занятомъ непріятеlemъ, чѣмъ осаждать крѣпость, въ которой защитники сѣли насмерть; тѣмъ больше, что расчищенная мѣстность принадлежитъ намъ навсегда, между тѣмъ какъ взятый аулъ до тѣхъ поръ только нашъ, покуда занять. Можно было основательно рассчитывать, что въ извѣстный срокъ мы прорубимся сквозь лѣса, составляющіе оплотъ чеченцевъ, и, раскрывъ ихъ жилища, заставимъ покориться этотъ воинственный, но не фанатическій народъ, откроемъ чрезъ его землю доступъ въ самую глубь горъ и зайдемъ, такимъ образомъ, въ тылъ оплотамъ, которыми горцы устави свои предѣлы со стороны Дагестана.

До тѣхъ поръ экспедиціи производились періодически, въ извѣстное время года, смотря по мѣстности; затѣмъ войска распускались по квартирамъ. Это перемѣжка давала горцамъ отдыхъ, совершенно для нихъ необходимый, такъ какъ ихъ сила состоитъ въ народномъ ополченіи, которое должно кормиться собственнымъ трудомъ. Князь Барятинскій положилъ вести войну безостановочно, не давая горцамъ ни сроку, ни отдыха до совершеннаго покоренія. Въ то же время онъ измѣнилъ самый характеръ занятія покоряемыхъ странъ. вмѣсто городовъ, воздвигаемыхъ въ каждой новой штабъ-квартирѣ, устройство которыхъ надолго поглощало всю дѣятельность выдвинутыхъ войскъ, по плану князя Барятинскаго было положено на вновь занимаемыхъ пунктахъ устраивать только валь, располагая войска въ баракахъ и кибиткахъ; сохранивъ, такимъ образомъ, силы войскъ для войны, бросать пунктъ, исполнившій своё временное назначеніе, и безостановочно идти впередъ; утверждаться же прочно лишь на тѣхъ пунктахъ, за которыми и послѣ покоренія горъ должна была оставаться неоспоримая стратегическая важность.

Расположеніе войскъ по отдѣламъ было соображено съ значительностію предполагаемыхъ дѣйствій. На Правомъ крылѣ и трёхъ военныхъ отдѣлахъ Восточнаго Кавказа, кромѣ линейныхъ баталіоновъ и казачьихъ войскъ, находилось по пѣхотной дивизіи въ составѣ 21-го баталіона, равняющейся численностію двумъ нынѣшнимъ дѣйствующимъ дивизіямъ. Изъ прикомандированныхъ 13-й и 18-й дивизій первая раздѣлена была по бригадѣ между Правымъ крыломъ, слишкомъ обширнымъ для одной дивизіи, и Лѣвымъ, откуда предполагалось повести главное наступленіе. 18-я дивизія осталась за Кавказомъ какъ резервъ и наличная сила для производства дорожныхъ работъ, необходимость которыхъ была указана истекшею войною. (Въ 1859 году 13-я пѣхотная дивизія возвратилась къ своему корпусу и была замѣнена Кавказскою резервною.) Кутаисское генераль-губернаторство, несмотря на чрезвычайную важность этого края, прикрывающаго весь Кавказъ со стороны Чѣрнаго моря, и спѣшную надобность разработать его въ стратегическомъ отношеніи, могло быть занято, за недостаткомъ войскъ, только одною бригадою линейныхъ баталіоновъ.

Военныя дѣйствія были рассчитаны на основаніи изложенныхъ выше соображеній. На Лезгинской линіи наши отряды должны были ежегодно разорять непріятельскія общества и довести ихъ къ рѣшительной минутѣ до изнеможенія. Въ Прикаспійскомъ краѣ было положено прежде всего прочно занять Салатавію, разъединявшую Дагестанъ съ восточною оконечностію Лѣваго крыла, чтобы открыть путь въ горы съ сѣверной стороны и прочно связать оба войска къ тому времени, когда имъ придётся дѣйствовать совокупно. На Лѣвомъ крылѣ рѣшено было сначала кончить покореніе Чеченской плоскости, чтобы твёрдо стать у подножія горъ; затѣмъ перенести войну въ самыя горы, никогда ещё не видавшія русскихъ знамёнъ; направить первый ударъ въ ущелье Аргуна

и занятіемъ его до снѣжнаго хребта отдѣлить Малую Чечню отъ Большой и отрѣзать весь западный уголь страны, подвластной мюридизму; потомъ перейти въ Ичкерію, гдѣ находилась резиденція Шамиля — Ведень, и тѣмъ довершить покореніе чеченскаго племени. Когда эти завоеванія будутъ совершены и мы станемъ твёрдою ногою въ глубинѣ горъ, а Шамилю останется одинъ Дагестанъ, разомъ двинуть всю массу войскъ и кончить дѣло съ мюридизмомъ однимъ ударомъ.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ военный планъ князя Барятинскаго, рѣшившій въ три года полувѣковую борьбу, окончанія которой не надѣялись уже ни войска, бившіяся противъ горцевъ, ни Россія.

Занятіе плоскости и предгорій (Большой Чечни, Ауха и Салатавіи) было, въ сущности, только приуготовительнымъ дѣйствіемъ; оно ещё не давало намъ видимаго перевѣса, но создавало уже новое положеніе, изъ котораго можно было перейти въ рѣшительное наступленіе. Періодъ этихъ приуготовительныхъ дѣйствій обнимаетъ осень 1856 и весь 1857 годъ.

Первую зиму съ ноября по апрѣль войска Лѣваго крыла подъ предводительствомъ генерала Евдокимова въ четыре похода окончили съѣтъ просѣкъ въ Большой Чечнѣ, начатую ещё при князѣ Воронцовѣ, и раскрыли эту страну по всѣмъ направленіямъ, преодолевая на каждомъ шагу сильное сопротивленіе чеченцевъ, поддержанныхъ огромными сборами изъ Дагестана. Дремучіе лѣса были повалены въ одну зиму. Въ то же время особый отрядъ, дѣйствовавшій на Кумыкской плоскости подъ начальствомъ генерала барона Николаи, расчистилъ входъ въ Аухъ. Туземное населеніе, разсыпанное по лѣсамъ мелкими хуторами, ещё осталось покуда на своихъ мѣстахъ, но Большая Чечня была уже какъ крѣпость съ отбитыми воротами, гарнизонъ которой долженъ положить оружіе по первому требованію..

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Предисловіе</u>	5
I. <u>Общій очеркъ</u>	11
II. Мюридизмъ.....	24
III. <u>Покореніе Кавказа</u>	61
Биографическія справки	131

Вы прочитали ознакомительный фрагментъ книги Ростислава Фадеева «Шестъдесять лѣтъ кавказской войны».

Работа Фадеева является однимъ изъ первыхъ и наиболее объективныхъ обзоровъ Кавказской войны. Въ книгѣ доходчиво разсматриваются причины войны и ея послѣдствія, а также цѣли воюющихъ сторонъ. Отдѣльная часть книги посвящена мюридизму — основной силѣ горцевъ, обостряющей отношенія съ Россіей.

Въ полной версіи книги 150 страницъ, отдѣльно прилагается карта восточнаго Кавказа — для болѣе подробнаго изученія событій, описываемыхъ Фадеевымъ, а также биографическія справки (спеціально подготовленныя Кирилломъ Каминицемъ).

Приобрѣсти книгу можно на сайтѣ издательства:

www.chernaya100.com

ӨАДЕЕВЪ Ростиславъ Андреевичъ
60 лѣтъ Кавказской войны

Предисловіе С. В. Волковъ
Дизайнъ переплёта Т. Г. Соболева
Иллюстраціи М. А. Гуськовъ
Реставрація карты Г. Н. Гиль
Наборъ Е. Н. Виноградова
Корректура М. С. Тейкинъ
Биографическія справки К. И. Каминець
Технической редакторъ, вёрстка Т. Р. Вѣнковъ
Отвѣтственный редакторъ Д. Н. Бастраковъ

За неоцѣнимую и всестороннюю помощь въ процессъ работы надъ книгой издательство выражаетъ особую благодарность талантливому дизайнеру Кириллу Олеговичу Круглову.

Иллюстраціи на стр. 138, 146 — Портретная галерея русскихъ дѣятелей: [Въ 2-хъ т.] / А. Э. Мюнстеръ. — СПб.: Тип. и литогр. А. Мюнстера, 1864–1865.

Иллюстрація на стр. 148 — Военная энциклопедія: [Въ 15-ти т.]. — СПб.: Т-во И. В. Сытина, 1911–1915.

Иллюстрація на стр. 136 — портретъ работы Джорджа Доу (1781–1829).

Форзацъ: «Переходъ князя Аргутинскаго черезъ Кавказскій хребетъ». Ф. А. Рубо. 1892.

Нахзацъ: «Смотръ войскъ Александромъ III». Ф. А. Рубо. 1893.

Официальное сообщество ВЪКонтакте:

www.vk.com/chernaya100

Интернетъ-магазинъ издательства:

www.chernaya100.com

Форматъ 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 9,5. Уч.-изд. л. 5,3. Тиражъ 4000 экз. Заказъ № 8860/15

Отпечатано въ соответствии съ предоставленными
материалами въ ООО «ИПК Парето-Принтъ»,
170546, Тверская область, Промышленная зона

Боровлёво-1, комплексъ № 3А

www.pareto-print.ru